

СРЕДНЯЯ АЗИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VI В. ДО Н.Э. И КОЧЕВОЙ МИР ЮЖНОГО УРАЛА**A.D. Tairov (Chelyabinsk, Chelyabinsk State University) Central Asia and the South Urals nomads' world in the second half of the 6th century B.C.**

Южный Урал включает два достаточно четко очерченных естественно-географических и историко-культурных региона - Южное Приуралье и Южное Зауралье. В Южном Приуралье памятники VII - первой половины VI вв. до н.э. практически полностью отсутствуют, а археологическая культура ранних кочевников появляется в "готовом сложившемся виде" не ранее второй половины VI в. до н.э. (Железчиков Б.Ф., Пшеничнюк А.Х., 1994, с. 5-6). В Южном Зауралье начало раннего железа (VII-VI вв. до н.э.) представлено памятниками бобровского этапа, входящими в тасмолинскую историко-этнографическую общность (Таиров А.Д., 1991, с. 11-15; 1993, с. 200-201). Анализ же погребального обряда памятников VII-VI и второй половины VI-V вв. до н.э. свидетельствует о несомненной культурно-генетической преемственности населения этого региона.

Вместе с тем некоторые черты погребального ритуала периода второй половины VI-V вв. до н.э. не имеют местных корней. К ним относятся: трупосожжения на месте или подожжение деревянной надмогильной конструкции; обширные квадратные могильные ямы с длинным коридором-дромосом; трупосожжения на грунте и деревянные конструкции над ними; сожжение перекрытия могильных ям; погребения на горизонте в прямоугольных или овальных деревянных постройках, от которых сохранились столбовые ямки; парные и коллективные погребения и некоторые другие. Поиски их истоков заставляют обратить внимание на области, лежащие к югу от Зауралья - Среднюю Азию, и прежде всего на Южное Приуралье, на племена историко-этнографической общности саков низовий Аму- и Сырдарьи (Яблонский Л.Т., 1988, с. 189). Большинство вышеназванных черт здесь присутствуют уже в комплексах VII-VI вв. до н.э., т.е. в более ранних памятниках по сравнению с аналогичными на Южном Урале, и восходят они к эпохе бронзы Средней Азии (Вишневская О.А., 1973, с. 60-69, 127-128; Яблонский Л.Т., 1996, с. 18-29; Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997).

Во второй половине VI - начале V вв. до н.э. в Южном Зауралье появляются и новые типы погребального инвентаря, которые также по своему происхождению связаны со Средней Азией и Ближним Востоком. Это сосуды с трубчатым носиком-сливом, плоскодонные керамические горшки с грушевидным туловом, плоскодонные сосуды с маленькими петлевыми ручками, бронзовые зеркала - с плоским диском и боковой ручкой, с закраиной без ручки. Каменные алтари-жертвенники на ножках и другие.

Одновременное появление во второй половине VI - начале V вв. до н.э. и комплекса черт погребального обряда, и инвентаря, характерных для саков Аму- и Сырдарьи, наводят на мысль о возможной миграции части этих племен на Южный Урал и последующем включении их в состав аборигенного населения. Причиной миграции, по-видимому, могла послужить историческая ситуация, сложившаяся в Средней Азии в конце VI в. до н.э. в результате активной завоевательной политики ахеменидской Персии в этом регионе (Пьянков И.В., 1964, с. 115-130; 1972, с. 19, 20; Дандамаев М.А., 1985, с. 52-53, 100-103).

К концу царствования Кира II из рода Ахеменидов, создателя одной из крупнейших "мировых империй" древности, Персия (Ахеменидская держава) подчинила огромную территорию от берегов Средиземного моря до Инда и от Хорезма на севере до Индийского океана на юге. Между 545 и 539 гг. до н.э. были присоединены к державе Кира II или покорены им земледельческие государства Средней Азии - Парфия, Согдиана, Бактрия и Маргиана, Хорезм и часть сакских кочевых племен, в частности

прикаспийские и амюргийские саки. Здесь были созданы сатрапии, управляемые назначенными из центра наместниками. Покоренные области обязаны были платить подати, поставлять воинские контингенты в персидскую армию. Последние несли гарнизонную службу в различных концах империи, участвовали в завоевательных походах (Ставиский Б.Я., 1971, с. 156).

После покорения части Средней Азии и взятия Вавилона Кир II готовился захватить и Египет. Однако предварительно он решил обезопасить северо-восточные границы своего государства в Средней Азии от набегов кочевых племен массагетов, наносивших значительный ущерб оседлым иранским народам, подданным Ахеменидской державы. Чтобы ликвидировать опасность вторжения массагетов, Кир создал в Средней Азии, на крайнем северо-востоке государства, ряд пограничных укрепленных поселений, обычно называемых античными историками городами. Одно из таких поселений было основано в бассейне Яксарта (Сырдарьи) в Согдиане, на месте нынешнего Ура-Тюбе, и носило название Кирополь. Однако для обеспечения полной безопасности границ необходимо было покорить или хотя бы утратить массагетов. Массагеты занимали территорию где-то к востоку от Каспия, находившуюся в непосредственной близости к Хорезму и Согду. Именно сюда Кир II в 530 году до н.э. отправился в свой последний поход. Во время битвы на восточной стороне Амударьи Кир II потерпел полное поражение и погиб сам.

Разгром ахеменидского войска и гибель основателя государства не привели, однако, к освобождению среднеазиатских областей от власти Персии. Политику Кира II в этом регионе продолжил Дарий I Гистасп. В 519 г. до н.э. он совершил большой поход против массагетов, зафиксированных в персидских источниках под именем саков-тиграхауда (саков, носящих остроконечные шапки). Об этом сообщает V столбец Бехистунской надписи Дария I: "Говорит Дарий царь: затем я с войском отправился против страны саков. Затем саки, которые носят остроконечную шапку, выступили, чтобы дать битву. Когда я прибыл к реке (? - Амударье), на ту сторону ее со всем войском я перешел. Затем я наголову разбил часть саков, а другую (часть) захватил в плен... Вождя их по имени Скунха взяли в плен и привели ко мне. Тогда я другого назначил (их) вождем, как (на то) было мое желание. Затем страна стала моей" (Дандамаев М.А., 1985, с. 100-101).

Таким образом, в последней трети VI в. до н.э. Ахемениды дважды совершали походы против кочевых и полукочевых племен Средней Азии. Причем второй поход, поход Дария I, закончился для персов успешно - удалось подчинить ряд кочевых племен Южного Приаралья.

Эти события привели к перемещениям и перегруппировкам среднеазиатских кочевых племен, оттоку отдельных их групп за пределы региона (Членова Н.Л., 1967, с. 219-220; Иванов Г.Е., 1987, с. 29). Часть кочевых и полукочевых племен среднеазиатского междуречья и равнин к востоку от Каспия вынуждена была покинуть свои прежние места обитания и мигрировать на север, в степи Южного Урала, а также в зауральскую лесостепь и прилегающие к ней районы Западной Сибири. Вероятно, эти же события вынудили кочевых племен, кочевавших между западными отрогами гор Южного Урала и Приаральем, перенести центр своего племенного объединения и родовые могильники с юга на север, в степи Южного Приаралья. Именно этим объясняется, по нашему мнению, появление во второй половине VI в. до н.э. культуры ранних кочевников Южного Приаралья в "готовом" сложившемся виде (Железчиков Б.Ф., Пшеничнюк А.Х., 1994, с. 5-6; Железчиков Б.Ф., 1997, с. 23).

Передвижение части среднеазиатского населения на север имело огромное значение для дальнейшей истории кочевых племен Южного Урала. Во-первых, в период миграций чаще всего наблюдаются процессы раскола и распада одних популяций и формирование новых, уже совершенно своеобразных культурных объединений. Во-вторых, миграции и переселения способствуют социальной дифференциации общества, выделению в нем военной прослойки, возрастанию роли военных вождей. В-третьих, в результате миграций деформируются основные структуры нормативного фактора, закреплявших положение отдельных этносоциальных группировок, а трансформация производственных стереотипов нередко сопровождается взлетом производства и развитием принципиально новых идей (Черных Е.Н., 1987, с. 247-248; 1989, с. 18, 22-23).

Кроме того, необходимо учитывать и постоянную военную угрозу со стороны державы Ахеменидов и подвластных ей земледельческих центров Средней Азии, которая стимулировала политическое объединение этнически близких коллективов в целях совместной самообороны, усиливала социально-имущественную стратификацию, способствовала более четкому обособлению военной знати (Павленко Ю.В., 1989, с. 115-116).

Следует отметить, что уход части среднеазиатских кочевников с прежних мест обитания на Южный Урал не повлек за собой разрыва их традиционных экономических и культурных связей с земледельческими областями, особенно Хорезмом. Именно с этого времени фиксируются устойчивые взаимосвязи номадов Южного Урала с земледельческими государствами Средней Азии и Ближним Востоком.

Значительное влияние на сложение особенностей культуры кочевников Южного Урала конца VI-V вв. до н.э. оказало, вероятно, население западных районов Евразии. Со второй половины VI в. до н.э. начинает активно функционировать "торговый путь Геродота". Этот торговый канал связывал степи Северного Причерноморья, лесостепные районы Поднепровья и Подонья с Южным Приуральем и Восточным Оренбуржьем.

По-видимому, под влиянием скифского мира в среде южноуральских кочевников распространились железные петельчатые удила и двудырчатые псалии, некоторые детали украшения узды, образцы скифского оружия (мечи с когтевидным навершием и без навершия) трехгранные, трехгранно-трехлопастные и трехлопастные, с острыми концами граней, втульчатые наконечники стрел (Смирнов К.Ф., 1964, с. 261; Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д., 1993; Таиров А.Д., 1992, с. 97). А уже отсюда они широко распространяются по всему востоку Евразии, быстро вытеснив все прочие типы наконечников стрел (Медведская И.Н., 1972, с. 81, 88-89).

Наличие же на Южном Урале антропоморфных изваяний, несущих на себе явные следы влияния скифской изобразительной традиции, фиксирует, по-видимому, присутствие в данном регионе и скифского этнического компонента.

Результатом всех этих процессов явилось сложение на Южном Урале двух крупных объединений кочевников: в Южном Приуралье с центром на Илеке и в Южном Зауралье с центром в южных районах нынешних Челябинской области и Северо-Восточном Оренбуржье. Эти два объединения развивались в тесном взаимодействии друг с другом, составляя, вероятно, этнопотестарную общность типа племенного союза с иерархической структурой.

Военно-жреческая верхушка этого объединения в качестве одного из способов маркировки своего элитарного статуса широко использовала в погребальной обрядности комплекс социально престижных символов, ставших в последствии общесарматскими (Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г., 1988, с. 143-145). Кочевники Южного Зауралья и Илека являлись той средой, в которой уже со второй половины VI в. до н.э. происходило становление раннесарматской (прохоровской) археологической культуры (Пшеничнюк А.Х., 1995, с. 96; Таиров А.Д., 1998).

<http://new.hist.asu.ru/skif/pub/skep/tatai.html>

А. Д. Таиров: sarmat-2007@mail.ru и tairovad@susu.ru